

СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ тому назад хмурым зимним днем Пушкин стоял у смертного барьера на Черной речке, защищая с оружием в руках честь России. В него, прищурясь, целился наемный солдат. Выходец из Франции, предлагавший в Германии свои услуги немецкой армии, он приехал в Петербург с рекомендательным письмом прусского принца, поступил на русскую службу, принял голландское подданство и под чужой фамилией барона Геккерена вошел в петербургские салоны, имея в своих «ратных подвигах» лишь победы над светскими красавицами да грязную связь со своим приемным «отцом».

Сколько еще таких дантесов сегодня в карательных иностранных легионах или бандах ОАС, позорящих землю Франции? Человек без родины и чести, ему было все равно в кого стрелять. За этой послушной марионеткой стояли фигуры покрупнее. Трагическая причастность к великому имени Пушкина заставила историю сохранить имена преступников.

Вот прямой «идейный» вдохновитель убийцы, дипломат, развратник, клеветник и спекулянт, не раз пойманный с поличным русской таможней, — голландский посланник барон Геккерен.

Мы не забудем и преступной роли дворцового интригана князя Долгорукова, будущего эмигранта, сочинявшего гнусные пасквили, заставившие Пушкина послать свой вызов, и графиню Нессельроде, жену министра иностранных дел, немало потрудившуюся над тем, чтобы подготовить убийство на Черной речке.

Но будем справедливы: основное место в заговоре на жизнь Пушкина по праву принадлежит его «главному режиссеру», непримиримому врагу поэта, венценосному лицедею с холодными стеклянными глазами — Николаю Первому.

Если бы не удалось забрызгать грязью имя Гончаровой, придушили бы что-нибудь другое: Николай должен был потушить пушкинское пламя, грозившее растопить его ледяные чертоги...

«И Пушкин падает в голубоватый Колючий снег. Он знает — Здесь конец...».

Вот несет его на руках, обливаясь слезами, его старый дядька, верный спутник бесконечных скитаний поэта, Никита Козлов. ...Вот по этой лестнице поднялись они в дом...

ДОМ на Мойке, № 12, — здесь бушевали события трагической зимы 1837 года и здесь, вопреки всему, создавались светлые творения пушкинского гения.

В эти дни, восстанавливая свой старый спектакль о Пушкине, я снова пришел на Мойку. Минувя вестибюль, вхожу в первые комнаты скромной квартиры. Сейчас здесь витрины с документами. Нельзя без боли читать письма Пушкина той поры, заполненные постоянной заботой о деньгах. В доме жила нужда. Счета, счета, счета... За книги, за бальные туалеты Натальи Николаевны, за мебель. Все берется в долг. Даже последние смертные ягоды моченой морошки для умирающего Пушкина взяты в кредит. Но ни нужда, ни дворцовые сплетни, ни цензурные запреты, ни грязные пасквили не способны остудить огонь пушкинской души.

...Небольшая синяя гостиная, здесь в последний год своей жизни читал Пушкин Жуковскому и Александру Тургеневу свой «Памятник», читал, думая о своих далеких потомках, о нас с вами. Можно представить, как звучал его прекрасный, словно созданный для стихов голос, как светились его большие синие глаза, как порывисто ходил он по комнате, с жаром рассказывал о Петре Первом, над историей которого работал в архивах, как подбегал потом к клавишину, где и сейчас лежит сочиненный им вместе с друзьями шуточный гимн в честь Глинки, и начинал восторженно делиться впечатлением от недавно услышанного «Ивана Сусанина». Затем, увлекаясь, рассказывал о работах русского скульптора Пименова, виденных им недавно. «Слава богу! Наконец и скульптура в России явилась народной».

А потом, быть может, принимался яростно спорить о театре, в который с юности был влюблен, для которого создал столько жемчужин, открыл один из решающих законов его «истины страстей», о театре, который он неизменно призывал к смелому и постоянному обновлению: «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической». В нем

ПЛАМЕНЬ ВЕЧНОГО СЕРДЦА

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

жила хозяйская, рачительная забота о нашей национальной культуре, которую потом, как эстафету, как завет, перенял Горький, в свою очередь завещав ее каждому из нас...

Мы стоим на пороге его кабинета, в котором он провел свой последний день перед дуэлью... Вот его простреленный черный жилет — в нем он был на Черной речке, вот его пистолеты, вот бюллетени о ходе болезни — их писал от руки и вывешивал для тысячных толп, стоящих у дома, Жуковский...

Все напоминает нам о скорби и гневных тех дней... Но странное дело — мы входим в кабинет и забываем о смерти... Здесь все как было при Пушкине. Большая, полная света и воздуха комната. Мягкий цвет бледно-зеленых стен, почти закрытых стеной золотистых книг. «Прощайте, друзья!», — скажет, глядя на них, Пушкин, уходя на поединок. До трогательности простой рабочий письменный стол, красноречиво напоминающий, что не роскошью мебели определяется качество литературы... Чернильница с арапчонком, изгрызанный в горячке работы косяной нож для разрезания бумаги, перо, томик «Современника» на столе. К дивану приставлена конторка, чтобы работать лежа. Все — для работы. И так до последней минуты — труд ясный, мужественный, веселый. Уже собираясь идти на поединок, Пушкин весь еще в заботах о русской литературе, о литературе, которую он первым, по слову Горького, утвердил как «национальное дело первостепенной важности».

В то утро, поджидая секунданта, Пушкин с удивительным хладнокровием пишет дружеское письмо писательнице Ишимовой, заказывая ей работу для «Современника» и хваля за «Историю России в рассказах для детей».

«...в нем глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила...» — писал его друг Вяземский. — Эта сила была любовь к труду... Труд был для него святыня...».

Разве в моральном кодексе нашего современника, в кодексе, провозглашенном партией как нравственный образец для дней сегодняшних и завтраш-

них, не живет свет и пушкинской личности? Недаром Белинский считал Пушкина русским человеком в его конечном развитии.

«Общий колорит поэзии Пушкина...» — писал В. Белинский, — внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность... — разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека, как человека.

С детства входя в нашу жизнь солнечным лучом светлой сказки, Пушкин, как вечный и добрый спутник, всегда с нами, помогая понять нам «судьбу человеческую, судьбу народную», уча нас любить и понимать красоту мира...

Когда поэт сто двадцать пять лет тому назад лежал, умирая в своем светлом кабинете, к нему пришел народ. Женщины, старики, дети, ученики, простые людины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта, — рассказывали очевидцы. Иностранные атташе доносили своим правительствам, что если бы в России была в то время возможна революция, она бы вспыхнула в эти дни.

ОНА ВСПЫХНУЛА через восемь десятилетий после той ночи, она рассчиталась за многое, в том числе и за Пушкина.

Сегодня к дому поэта, к его стихам, к его памятникам, к его вечно живому слову движется бесконечный поток все новых и новых наследников Пушкина. Они несут ему живые цветы своей безмерной благодарности и любви. Я видел в домах американских негров портреты Пушкина. В негритянских кварталах его глубоко чтят как «великого африканского поэта». Пусть так. Мы не будем спорить. Мы рады, что величайший из сынов России живет, как брат, в сердце негритянского народа. На Кипре, в селе Лиси, где родился отважный киприот Григорий Оксиндиу, что погиб, сражаясь, как лев, за свободу «острова Афродиты», мои греческие друзья прочли мне стихи Пушкина...

«Гречанка верная! Не плачь — он пал героем...». Пушкин принадлежит и им... Пушкин принадлежит всем, кому дорога жизнь, борьба и свобода.

Нет, не удалось пигмеям погасить пламень пушкинского сердца...

Он будет гореть вечно в памяти и делах благодарного человечества.